

К. Ю. Бардола

«Право возврата владений» как основа территориальных претензий Византии в VI—XII вв.

ценивая деятельность послов-дипломатов в международной политике Византийской империи, исследователи отмечали их заметную роль не только в процессе проведения переговоров по проблемам войны и мира, но и в не менее важных, хоть и не столь очевидных направлениях. В историографии нередко подчеркивалось значение их активности в культурном международном обмене, который затрагивал многочисленные вопросы теологии, науки, медицины и архитектуры [1; 61]. Византинисты также отмечали, что дипломаты часто осуществляли функции оптовых агентов в межгосударственном торговом обмене [2; 3]. Была отмечена также на первый взгляд незаметная, но значительная роль, которую послы играли в получении ценных разведывательных данных и ведении другой шпионской деятельности [4]. Тем не менее, некоторые аспекты деятельности византийских дипломатов незаслуженно остались без должного освещения. Например, в историографии весьма редко появлялись исследования, которые касаются особенностей риторики, применяемой византийскими послами во время переговоров. Ученые упускают из виду тот факт, что многие риторические приемы в дипломатическом общении оставались без изменений на протяжении столетий византийской истории, что свидетельствует о четко выраженной официальной позиции. Один из таких риторических приемов применялся ромеями для оправдания тех или иных территориальных завоеваний с такой регулярностью, по крайней мере до 1204 г, что можно говорить о своего рода дипломатическом «клише» или формуле. Условно эту позицию официального Константинополя можно определить, как «право на возврат владений», заимствованную из римской виндикационной практики. Таким образом, дипломаты официально заявляли, что византийцы имеют право на возврат территорий, когда-либо принадлежащих Римской империи и впоследствии «незаконно» захваченных варварами. Для данного исследования важным представляется понять причины выбора именно такой риторической формы, определить основные цели ее использования и оценить результативность применения.

В Средние века не каждая война приводила к территориальным изменениям границ государства. Многочисленные нашествия варваров на Европу оставляли после себя разрушения, а также людские и материальные потери, но зачастую не меняли границы государств. В свою очередь, изменение размеров государственной территории могло произойти не только вследствие удачной или неудачной войны, но также в результате династических или матримониальных изменений, а также на договорных началах. Два последних способа, широко распространенные в феодальной Европе, являлись редкостью для византийской истории. Основные территориальные потери и приобретения Византийская империя осуществляла после военных столкновений, но, в отличие от большинства своих противников, ее официальные лица, говоря

И
С
Т
О
Р
И
Я

о территориальных изменениях практически перестали заявлять о привычном для того времени праве войны.

Изменения в византийской дипломатической риторике

Тезис о справедливости возврата земель, принадлежащих Римской империи, стал активно применяться в официальной риторике во время правления императора Юстиниана I. К началу VI в. на бывших территориях Римской империи сложились новые варварские государства, политическая элита которых действовала в межгосударственных отношениях как вполне независимая сила. С другой стороны, византийское государство к этому времени оправилось от многочисленных потрясений предыдущих веков и могло вести более агрессивную внешнюю политику. Намечалось политическое противостояние, и византийским императорам требовалась новая идеологическая концепция.

Возможно, что неким толчком для изменения официальной риторики послужил яркий пример использования идеологического давления со стороны персидского посланца Сеоса во время обсуждения условий мира между шахом Кавадом и императором Юстином I. Представитель персидской стороны заявил, что «римляне насильственно и безо всякого на то права владеют издревле подвластной персам Колхидой, которая теперь называется Лазикой» (Procop. Bellum pers. I, 11). Римскую делегацию представляли знатные члены сенаторской аристократии, которые ностальгировали по ушедшим временам завоевательных войн и, наверняка, оценили подобную форму территориальных притязаний. И вот уже Велизарий в своем напутственном слове перед битвой под Децимом в сентябре 533 г. заявляет о справедливости возврата римских земель в Северной Африке (Procop. Bellum vandal. I, 19). Чуть позже им же было подвергнуто сомнению право владения готам на земли в Италии (Procop. Bellum vandal. II, 5). Когда военные действия переместились в Италию, риторику Велизария о «не принадлежащих готам землях» стали активно поддерживать императорские послы и Юстиниан I лично (Procop. Bellum goth. I, 5–6, 20; II, 6, 21). Тот же риторический прием применил вождь лояльных Империи сарацин Арефа, претендуя на земли, которые до этого были подвластны его основному сопернику Аламундару. Прокопий сообщает, что официально озвученным основанием для захвата земли стало его римское название «Страта» и свидетельства «старейших людей» (Procop. Bellum pers. II, I). В конце концов, в 562 г. уже Петр Патрикий в качестве главы византийской делегации к персидскому шаху Хосрою предлагает рассмотреть вопрос о правах на Сванию и Лазикю на основании документов, подтверждающих их давнюю принадлежность Римской империи (Menander, XI). Таким образом, к середине VI в. в Византии окончательно сложился дипломатический подход, согласно которому исторический факт даже непродолжительной принадлежности той или иной земли к Империи мог вполне служить справедливым основанием для территориальных претензий.

Доктрина реконквисты и теория «справедливой войны»

Определение эффективности дипломатической деятельности является задачей достаточно сложной, так как официально задекларированные дипломатами цели могли быть лишь ширмой для скрытых, но первоочередных задач [6]. Однако вряд ли кто-нибудь будет спорить, что риторика византийских послов не была простым проявлением индивидуальных способностей для витиеватости речи. Очевидно, что перед отправкой дипломатической миссии послы должны были проходить строгую проверку (Anonim., XLIII). Следовательно, дипломаты выражали официальную позицию, и форма изложения, вероятно, не была результатом личной инициативы. На первый взгляд использование подобных риторических приемов могло быть своего рода проекцией масштабного плана восстановления Римской империи с последующим формированием соответствующей многовековой военно-политической доктрины. Такая

точка зрения достаточно популярна в византинистике, хотя в последнее время подвергается вполне обоснованной критике [8, с. 237–238].

С другой стороны, отсутствие поддержки плана вторжения в Северную Африку у ближайшего окружения Юстиниана I, осторожный ход военной компании и очевидные сомнения в ее исходе у самого императора — все это свидетельствует скорее об удачной попытке воспользоваться внутренними неурядицами в вандалском королевстве, нежели об осуществлении первого этапа сложного, многоходового плана масштабной реконквисты (Procop. Bellum vandal. I, 10). В какой-то мере это подтверждает характер риторики, применяемой византийскими официальными лицами. В дипломатическом письме император всячески подчеркивал нежелание войны с вандалами, и утверждал, что его цель заключается исключительно в смене их предводителя Гелимера, дабы они смогли «наслаждаться миром и свободой» (Procop. Bellum vandal. I, 16). Даже заявления представителя византийских «ястребов» — Велизария во время вандалской войны были достаточно непоследовательными, и после битвы под Децимом он признается перед воинами, что они захватили все же «чужую землю» (Procop. Bellum vandal. II, 1). Лишь после окончания активной фазы войны с вандалами Велизарий в официальной переписке с Амаласунтой начинает подвергать сомнению права готов на владение ими Италией, а императорские послы поддержали эту риторику и того позже. К тому же, надо отметить избирательность использования подобного дипломатического давления. Например, при переговорах с франками о возможном союзе в готской войне, византийские послы предусмотрительно не использовали тезис «возврата своих владений», и вплоть до окончания готской войны придерживались такой же политики (Procop. Bellum goth. VIII, 24).

Все это свидетельствовало о том, что византийские официальные лица даже в период активизации внешней политики Юстиниана I использовали заявления об исконном праве на римские территории не постоянно, исходя из сложившейся международной обстановки и в зависимости от выбора дипломатического соперника. Такой же подход сохранялся и в последующие века. Уместно привести пример дипломатической деятельности Патриарха Николая Мистика, который пытался урезонить политические амбиции болгарского правителя Симеона I. Николай проявил удивительный политический такт и терпение, многие годы успокаивая, уговаривая болгарского правителя, предлагая найти компромисс. И лишь когда стало ясно, что цель неуступчивого Симеона I заключается непосредственно в захвате константинопольского престола, Николай заявил, что болгары — «бывшие рабы авар», а Балканский полуостров издавна «принадлежит империи ромеев» (Nicolas I. Epistola X; Epistola 27, col. 176) [13, с. 122]. Чуть позже ту же позицию повторил для Симеона I император Роман I Локапин, написав ему в послании, что все захваченные болгарскими землями должны быть возвращены. Тут же Роман добавил, что Симеон не имеет никаких законных оснований для именованного «императором ромеев», а титул «императора болгар» он может носить только потому, что когда-то его предкам разрешили поселиться на римской земле (Romanus Lecapinus, p. 298–314). В данном случае заявление о праве владения римскими землями не использовалось до последнего момента, так как было слишком агрессивным в сложившейся ситуации. Позднее весьма нечеткое определение «своей земли» дал император Никифор II Фока во время переговоров с послом Оттона I Лиутпрандом. Первоначально император высказал претензии на всю Италию как часть «римской» земли, но после «жесткого» негативного ответа его территориальные притязания ограничились лишь возвратом Капуи и Беневента (Liudprand, XXXVI) [15].

Такое поведение византийских официальных лиц, а также отсутствие прямых свидетельств в византийских законодательных источниках, императорских хрисовулах и военных трактатах говорит о том, что теория внешнеполитической доктрины глобальной реконквисты является безосновательной. Следовательно, дипломатическая риторика подобного рода имела несколько иные, менее масштабные и вполне практические цели.

Наиболее простое объяснение использования подобной дипломатической практики связано с потребностями самих дипломатов сохранить свое и, конечно же, императорское реноме. В условиях, когда в византийском обществе всячески подчеркивалось императорское миролюбие, ощущалась необходимость официального обоснованного оправдания наступательных войн. Если еще в IV в. анонимный автор трактата «О стратегике» пишет о войне как об источнике выгоды для казны, то в более поздний период авторы подобных работ почти в один голос говорят о войне как о «бедствии» и «наихудшем из зол» и декларируют безусловную предпочтительность мира, даже купленного за деньги (Лев. Тактика, II, 49; XX, 150; Кекавмен, XXIX; 18, XXXVI; Анна Комнина, XII, 2). Вероятно, именно поэтому после VI в. в военных трактатах все чаще используется термин «справедливой» или «законной» войны.

Византийский термин «законной» или «справедливой» войны (*dikaïos polemos*), скорее всего, был калькой римского «bellum iustum». Еще Цицерон объяснял, что справедливая война (*bellum iustum*) имеет две причины — возмездие за перенесенную несправедливость и защита государства от агрессоров. По его мнению, такая война должна вестись по определенным правилам и только против политической общины в качестве субъекта права. (Cicero. *De officiis* I, 11, 34 ff; *De re publica* 3, 23. 35) Позже Августин Блаженный добавлял, что война не является «нормальным», естественным состоянием общества, а конечная цель справедливой войны должна заключаться в подписании мира. В этом смысле справедливой причиной для начала войны может быть нарушение мирного правового порядка. К тому же «справедливую войну» может начинать только легитимная власть (Августин. *О Граде Божиим*, IV, 14–15, XV, 4, XIX, 8, 12; 22). Эти признаки стали основными для определения средневековой «справедливой войны» (*Decretum Gratiani*, с. 23 q. 2 с. 2). Но уже после XII в. богословы и юристы признавали еще две возможных причины «справедливой войны»: возврат отнятых владений и священная война, называемая «римская война» (*bellum romanum*) [23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30]. Как мы видим, к XII в. принцип возврата отнятых владений стал неотъемлемой частью теории «справедливой войны», чему несомненно поспособствовала практика византийской дипломатии.

Основной признак «законной» войны, согласно сведениям византийских источников, заключался в ее ответном характере (Лев. Тактика, II, 49; XX, 169–171). Однако, на практике византийские василевсы нередко утверждали, что они являются преемниками римских императоров, а факт захвата варварами земель Римской империи, а, следовательно, и законность ответных мер, не имеет срока давности. Таким образом, у Византии практически всегда была причина для «законной» или «справедливой» войны, и в перечне посольских навыков не последнее место стало занимать умение оперировать архивными документами и историческими сведениями. Неслучайно Константин Багрянородный, описывая в своих наставлениях соседей Византии, довольно часто упоминает предшествующую принадлежность их земель «римлянам» (Константин Багрянородный. *Об управлении*. XXIX, XXXI–XXXIII, XXXV, XXXVI).

«Справедливость» процесса возврата своих земель не только служила оправданием для начала «законной» войны, но и играла роль серьезного идеологического оружия, подрывая уверенность в себе потенциальных и реальных противников, а с другой стороны, убеждая своих подданных в справедливости территориальных претензий, а значит, и военных действий. Подобная задача могла иметь зеркальное отражение и быть направлена на доказательство «несправедливой» агрессии противника. Несмотря на то, что степень результативности подобного давления трудно установить с достаточной определенностью, регулярность официальных заявлений о праве возврата своих земель, а, следовательно, и надежды византийской дипломатии на их эффективность, во многом зависели от социально-политического уровня развития противника и его идеологической стойкости.

Право войны vs. права возврата владений

Риторическая формула «права возврата земель» создавалась византийской дипломатией в условиях противостояния с варварскими государствами, и являлась своего рода противовесом их официальной позиции, основанной на «праве завоевания». Это базовое для средневековой дипломатии право постфактум распоряжаться захваченными территориями как военной добычей было очень органично для военизированных раннесредневековых обществ и использовалось их официальными лицами практически повсеместно. Напротив, византийские дипломаты с большой неохотой упоминали этот тезис, несмотря на то, что в римском праве провинциальные земли — это земли, захваченные именно по праву завоевания (*ius ad bellum*). Выше уже отмечался миролюбивый характер византийского государства, которое предпочитало решать внешнеполитические задачи невоенными способами [4; 13]. Определенную роль в этом сыграло и стратегическое положение Империи, которая находилась под постоянным давлением варваров, но все же основные причины лежали в социально-экономической плоскости. В отличие от соседних государств и народов, которые в большинстве своем находились на социальном уровне военной демократии, византийское общество жило в большей степени не военной добычей, а сельским хозяйством, ремеслом и торговлей. Ценности войны не были приоритетом для политической элиты общества ромеев, а византийский василевс не желал опускаться до уровня варварского хагана. Наконец, приоритет использования тезиса «возврата римских земель», не заменял, а лишь усиливал базовое положение «права завоевания». Византийские императоры все же не забывали напоминать на международной арене о своих военных заслугах при помощи письменных докладов о победах, титулатуры (CJS. Instit. P. XXI; Cod. Just. XVII. 2, XXVII), прозвищ или церемониала. [32; 33, с. 185–192].

О столкновении двух дипломатических подходов говорит Агафий, описывая жалобы готских послов на византийцев во время встречи с Теодибальдом (Агафий, I, 5). Чуть позже, Петр Патрикий на переговорах с персами противопоставляет «праву завоевания», декларированного шахом Хосроем I, исконное право римлян на Лазику, а заодно и на Сванию (Menander, XI). На заявления о праве владения захваченными землями на основе завоевания, сделанные в разное время предводителями авар, болгар и россов, византийские дипломаты с неизменным упорством утверждали, что это их исконные земли, и пришельцы не имеют на них никаких прав (Феофан, 580 г, 594 г; Феофилакт Симокатта, I, 5; VII, 7; Лев Диакон, VI, 10; Nicolas. Epistola 10, col. 660) [13, с. 122]. Пропагандистская деятельность дипломатов была лишь одним из многих факторов, воздействующих на моральное состояние противника, но фактором немаловажным. Сами византийцы помнили, как действовала на римлян политика постоянных угроз и требований, которую осуществлял на их землях Атилл. Страхом, непониманием, унижением пропитаны сведения источников о моральном состоянии римской и константинопольской элит во время многочисленных переговоров с «бичом божьим», что свидетельствовало о неготовности дипломатической службы противостоять подобному давлению [37, отр. 5–6; 38]. В VI в. ситуация изменилась и о схожем состоянии растерянности, подавленности и неуверенности, но уже в готском обществе, говорит Агафий, описывая подробности посольства готов к франкам. Львиная доля жалоб готов на византийцев касалась именно успешно проведенной теми пропагандистской кампании по возврату своих земель (Агафий, I, 5). О состоянии растерянности и неуверенности варварских элит достаточно красочно упоминает Прокопий Кесарийский, описывая вандальские и готские войны. Насколько отрицательно подобное воздействие может сказаться на моральном состоянии воюющих понимал автор Тактики Льва VI: «Установи для себя достижение справедливости конечной целью ведения войны, подобно тому, как ты это же имел в виду, приступая к ней. Если война будет вестись на принципах зла и бесчестия, то это подействует на войско разлагающе...» (Лев Тактика, XX, 171). Наиболее результативной византийская

дипломатия показала себя в Италии и на Балканах в борьбе против либо аморфных территориальных образований кочевников-язычников, либо недавно созданных государств с только формирующейся государственной или религиозной идеологией [39, с. 214–250; 40]. В дипломатическом общении с европейскими «империями» и арабским халифатом официальные территориальные претензии, основанные на римской истории и традиции, были гораздо менее эффективны.

Византийская дипломатическая риторика и «священная война»

Несмотря на то, что дипломатическая позиция по поводу возврата бывших римских земель усиливала идеологическое давление на противников византийских императоров, не следует преувеличивать ее глобальную эффективность. Официальный Константинополь старался реально оценивать возможности посольской риторики и использовал ее с оглядкой на политическую ситуацию. Не всегда ее применение было результативно, а иногда и вовсе не в интересах государства. Например, пытаясь не допустить союз франков с готами и остановить их вторжение в Италию, византийский посол Леонтий заявлял их королю Теодобальду, что император Юстиниан с великим трудом завладел «по праву войны» Италией, и, что франки в этом «совершенно не участвовали» (Procop. *Bellum goth.* VIII, 24). Вспоминать о праве на возврат своих территорий и заявлять франкам, что Италия вернулась к своему «законному владельцу» было весьма неосторожно, так как Теодобальд мог ощутить скрытые претензии и на его собственные земли. С другой стороны, Леонтий таким образом декларировал, что император и по варварским обычаям, то есть «по праву завоевания», имел полное право на владение Италией. Но главным соперником Византии на международной арене все же были не франки, а арабский халифат, и эффективность действий византийской дипломатии после его образования в VII в. заметно снижается.

Весьма частое применение формулы «возврата своих владений» на западном направлении и на Балканах заметно контрастировало с практически полным умалчиванием ее на востоке. Пробное дипломатическое столкновение между войсками мусульман и византийской официальной стороной прошло по привычному сценарию, и император объявил свои права на арабские земли (Себеос, XXX). Но первые же неудачи привели к тому, что в последующих довольно частых дипломатических сношениях с мусульманскими правителями византийские официальные лица как будто забывали, что львиная часть территорий, ранее принадлежащих Римской империи, находится под контролем арабского халифата. Очевидно, что привычная риторическая практика византийской дипломатии в этом направлении активно не использовалась. Основной причиной подобного положения, судя по всему, являлась явная неэффективность идеологического давления византийской дипломатии на мусульманскую сторону конфликта. Пророк Мухаммед и первые халифы нашли действенное противодействие византийской риторике в виде собственной идеологии завоевания территорий. Предлагаемая на переговорах инвариантная схема: принятие ислама либо согласие на арабский протекторат с фискальными обязательствами и, наконец, военное решение вопроса, — была новым приемом в практике переговорной риторики, и, судя по результатам, приемом весьма успешным (Абд ал-Хакам, с. 85) [42, с. 157]. Помимо базового принципа «завоевания» арабы, таким образом, озвучивали два других: религиозный и договорной, причем инициатива принятия решения отдавалась противоположной стороне. Практически все попытки византийских официальных лиц использовать «авторитет» Империи или договориться на своих условиях наталкивались на фанатичное несогласие со стороны мусульман (Абд ал-Хакам, с. 86–88) [43]. В результате значительное количество византийских городов и прилегающих к ним территорий перешли под власть мусульман без сопротивления. Если к этому добавить, что византийцы не особо пытались бороться за потерянные земли, за исключением единичных случаев, то складывается впечатление, что ислам первых столетий выиграл

идеологическую борьбу у византийской пропаганды на международной арене. В византийских источниках часто встречаются упоминания о растерянности, страхе, пассивности, «апатии», когда речь шла о сопротивлении мусульманам. Возникает вопрос: почему византийская дипломатия не использовала сходные с мусульманскими методы идеологического давления, практически без боя сдав свои позиции? Ответ кроется все в том же характере политической власти в византийского государства.

Договорные взаимоотношения предполагали определенную степень независимости будущих подвластных земель, что, конечно, не соответствовало императорскому стилю политического руководства. В 562 г. Петр Патрикий предложил Хосрою I, чтобы правитель сванов высказал свое мнение в дипломатической дискуссии о присоединении его области к Византии. Но быстро был вынужден согласиться с мнением шаха, что мнение «рабов» учитывать в таких вопросах несправедливо и незаконно (Procop. Bellum pers. II, 1). При этом византийские дипломаты могли признавать, если существовала политическая необходимость, договорные отношения на чужих территориях. Например, Николай Мистик напоминал в своем письме халифу о договорных условиях между мусульманами и киприотами-христианами (Николай Мистик. Письмо Халифу. III).

Характер политической власти в Империи несомненно сыграл свою роль и в слабом распространении идеи византийской «священной войны». В историографии часто обсуждалась тема применения доктрины крестового похода или священной войны в Византии, тем более, что в средневековой теории международных отношений эта война носила название «римской» (*bellum romanum*) [45, с. 302]. Иногда византийцы связывали это понятие с военной деятельностью императоров IV—V в., но чаще упоминали возврат Святого Креста из персидского плена императором Ираклием [46; 47]. Отдельные исследователи акцентировали внимание на «священной войне» императора Никифора II Фоки и его преемника Цимисхия [48; 49; 50]. Существует даже такая радикальная точка зрения, что раз византийский василевс был главой церкви, то все его войны можно назвать «священными» или по крайней мере религиозными [51]. У нас нет возможности в данной статье уделить достаточно внимания этой дискуссии, отметим только два момента. Во-первых, необходимо признать безусловное влияние, в большей или меньшей степени, религиозного элемента на деятельность византийской армии. И, во-вторых, этот элемент практически не был использован византийской дипломатией при предъявлении территориальных претензий, несмотря на очевидные возможности идеологического воздействия. Так, например, Прокопий Кесарийский приводит легенду, согласно которой именно священник убедил императора Юстиниана I «освободить христиан Ливии от тиранов» (Procop. Bellum vandal. I, 10). Да и сам император потом утверждал, что одной из причин вторжения были преступления вандалов против Церкви и возможность спасти от них верующих (Cod. Just. I, 27, 2–5; Nov. LXXVIII, 4, 1). Однако ни в дипломатических переговорах, ни даже в военной риторике религиозный элемент не превышал повседневного уровня. Похожая ситуация сложилась во времена персидских войн императора Ираклия I, когда активно использовался идеологический посыл «возврата Древа Креста Господнего». При этом императором была четко заявлена позиция о том, что византийская сторона даже в случае полной победы, не претендует на всю власть, и, следовательно, территорию персидской державы (Никифор Патриарх. Краткая история. XV). Наиболее близко к идее «священной войны» или «крестового похода» приблизился император Иоанн Цимисхий. В своем письме армянскому царю Ашоту III он пишет, что «вознамерился освободить Гроб Господа нашего Христа от порабощения мусульман» [53; 50]. Если оставить в стороне сомнения в авторстве и времени составления этого документа, интересным представляется структура самого письма. Первоначально Цимисхий указывает, что основной причиной его похода есть «наказание за высокомерие и гордость» арабского правителя, который напал на византийцев. Затем император описывает как были отвоены земли «ранее принадлежащие нам», и лишь потом он сообщает, что

у него возникло желание освободить Гроб Господний, когда войска смогли подойти к Иерусалиму [53]. Таким образом в этом риторическом послании император выдерживает привычную для византийской дипломатии риторику «справедливой войны» за «свои земли», а идея освобождения Гроба Господнего признается случайной.

Главная причина пренебрежения византийцами идей «священной войны» лежит не в миролюбивой сути христианского учения (например, это не повлияло на ход Крестовых походов), а характере имперской политической власти. Византийский бюрократический аппарат во главе с василевсом, по всей вероятности, не желал использовать для пропаганды плохо поддающуюся контролю идею «бог решил — верующий выполнил», заменяя более приемлемой: «император осуществил, то что богу угодно». К тому же, принимая к действию идею «священной войны», византийские императоры рисковали вывести на международный уровень духовенство как независимую политическую силу, что, конечно же, противоречило их интересам.

В результате византийская дипломатическая пропаганда в вопросе завоеваний проявляла свою несостоятельность против исламской, и это можно проследить на примере дипломатической переписки императора Феофила с кордовским омейядским правителем Абд-Рахманом II в 839–840 гг., которую опубликовал известный арабист Э. Леви-Провансаль. Василевс предложил Абд-Рахману II поддержку в восстановлении власти Омейядов в Сирии и Африке, но взамен просил его содействия в возврате «своих» земель на Крите, который был захвачен неподконтрольными власти эмира мусульманскими войсками. В результате он получил негативный ответ, суть которого состояла в следующих положениях: земля эмира та, которой он владеет; эмир не может противиться расширению ислама; если Крит является землей Феофила — пусть «великий император» его и отвоевывает [54].

Отсутствие адекватного ответа мусульманской пропаганде приводило к негативным последствиям. Византийцы в столкновениях с «сарацинами» часто испытывали страх, подавленность, с легкостью теряли земли, а затем переставали рассматривать их как «свои». Источники с удивлением описывают отказ от продолжительной борьбы императора Ираклия за Сирию и Африку (Феофан 625 г.; Себеос, XXX, XXXV; Гевонд. История Халифов I). Император Феофил считал, что основной причиной поражения от мусульман было нежелание его воинов сражаться с ними (Продолжатель Феофана. (Феофил), XXXVII). Такое же нежелание воевать против мусульман проявляли, несмотря на многочисленность, войска императора Романа III Аргира. Об этом свидетельствуют Иоанн Скилица и Михаил Пселл (Skylitzes, p. 359; Пселл, VII). Причем последний, несмотря на то, что военные действия должны были вестись на территориях некогда ромейских провинций, не видел «истинной причины» для начала военных действий. Константин VII Багрянородный считал войско мусульман непобедимым, если оно насчитывало более тысячи человек, и в отличие от других земель, также не причислял земли мусульман к бывшим «римским» (Константин Багрянородный. Об управлении, XV). Подводя некий итог византийской истории, Кекавмен описывает византийское общество после потери малоазийских и африканских византийских провинций как «пораженное великой немощью» (Кекавмен, VI). Такое отношение к мусульманам и их завоеваниям не было неизменным и складывалось из многочисленных составляющих, но несомненно, что в «войне идеологий» византийцы уступали мусульманам. В конце концов император Алексей Комнин I был вынужден импортировать «священную войну», обратившись за помощью к европейским рыцарям и независимому папству [60].

В целом, можно сделать вывод, что начиная с правления императора Юстиниана I и вплоть до XII в. византийские послы и другие официальные лица активно использовали идею «возврата своих земель», но как правило, в виде риторической пропаганды.

Этот тезис постепенно стал частью византийской, а затем и западноевропейской теории «справедливой войны». Византийская дипломатия трезво оценивала возможности идеологического влияния на моральное состояние противника, используя привычные для себя риторические приемы только там, где они имели шансы быть соответственно воспринятыми. Что касается формы подобных риторических приемов, то они напрямую зависели от социально-политического характера византийской власти и, несомненно, были ею ограничены. Но, несмотря на это, дипломатическая служба ромеев, умело используя полученные в наследство историю и традиции Римской империи, внесла свой вклад в теорию межгосударственных отношений, и в дальнейшем ее деятельность послужила примером для дипломатов многих стран.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Drocourt N.* Quelques aspects du rôle des ambassadeurs dans les transferts culturels entre Byzance et ses voisins (VIIe—XIIe siècle) // Acteurs des transferts culturels en Méditerranée médiévale. — München, 2012.
2. *Shlosser F. E.* Weaving a Precious Web: The Use of Textiles in Diplomacy // BS. — 2005. — Т. 63.
3. *Пигулевская Н. В.* Византийская дипломатия и торговля шелком в V—VII вв. // ВВ. — 1947. — Т. 1 (23).
4. *Haldon J. F.* Blood and Ink: some observations on Byzantine attitudes toward Warfare and Diplomacy // Byzantine Diplomacy. — Aldershot, 1992.
5. *Менандр* // Византийские историки. Дексипп, Эвнапий, Олимпиодор, Малх, Петр Патриций, Менандр, Кандид, Ноннос и Фелфан Византиец. Афиней. — Рязань, 2003.
6. *Antonopoulos, P.* The less obvious ends of Byzantine diplomacy // Byzantine Diplomacy. — Aldershot, 1992.
7. *О стратегии.* Византийский военный трактат VI века / Пер. В. В. Кучма. — СПб., 2007.
8. *Серов В. В.* О времени формирования юстиниановской идеи реконкисты // Известия Алтайского Государственного Университета. — Серия история, политология. — 2008. — № 4/3.
9. *Nicholas I.* Patriarch of Constantinople, Letters / Trans. by R. J. H. Jenkins and L. G. Westerink. — Washington, 1973.
10. *Photius.* Epistolae // PG. — 1900, P. — Vol. 102.
11. *Romanus Lecapinus.* Epistolae // FHB. — Т. 8.
12. *Responsa Nicolai ad consulta Bulgarorum* // PL. — 1852. — Vol. 119.
13. *Оболенский Д.* Византийское содружество наций. — М., 1998.
14. *Liudprand of Cremona.* Relatio de legatione Constantinopolitana / Ed. and trans. B. Scott. — L., 1993.
15. *Schumner C. M. F.* Liudprand of Cremona — a diplomat? // Byzantine Diplomacy. — Aldershot, 1992.
16. *Лев VI Мудрый.* Тактика Льва = Leonis imperatoris tactica // Лев VI Мудрый / Пер. В. В. Кучма. — СПб., 2012.
17. *Кекавмен.* Советы и рассказы. — СПб., 2003.
18. *Михаил Пселл.* Хронография. Краткая история / Пер. Я. Н. Любарский, Д. А. Черноглазов, Д. Р. Абдрахманова. — М., 1978.
19. *Анна Комнина.* Алексиада / Пер., коммент., Я. Н. Любарского. — М., 1965.
20. *Стратегикон* Маврикия / Изд. подготовил В. В. Кучма. — СПб., 2004.

21. *Августин Блаженный*. О Граде Божиим // Творения: В 4 т.— СПб., 1998. — Т. 3.
22. *Regout R.* La doctrine de la guerre juste de saint Augustin a nos jours d'après les théologiens et les canonistes catholiques. — P., 1935.
23. *Bainton R. H.* Christian Attitudes towards War and Peace. A Historical Survey and Critical Reevaluation. — L., 1961.
24. *Bond B.* The «Just War» in Historical Perspective // History Today. — 1966. — № 16.
25. *Contamine Ph.* L'idée de guerre a la fin du Moyen Age: aspects juridiques et éthiques // AIBL. — 1979.
26. *Hrabar V. E.* Le droit international au Moyen Age // Revue de Droit international. — 1936. — № 18.
27. *Hubrecht G.* La juste guerre dans la doctrine chretienne des origines au milieu du XVI siecle // Recueils de la Societe Jean-Badin. — 1961. — Т. 15.
28. *Hubrecht G.* La «juste guerre» dans le decret de Gratien // Studio Gratiana. 1955. — № 3.
29. *Leclercq J.* L'attitude spirituelle desaint Bernard devant la guerre // Collectanea cisterciensia. — 1974. — № 36.
30. *Russell F. H.* The Just War in the Middle Ages. — Cambridge. 1975.
31. *Константин Багрянородный*. Об управлении империей / Пер. под редакцией Г. Г. Литаврина, А. П. Новосельцева. — М., 1991.
32. *Mullett M. E.* The language of diplomacy // Byzantine Diplomacy. — Aldershot, 1992.
33. *Агафий Миринейский*. О царствовании Юстиниана / Пер., ст. и примеч. М. В. Левченко. — М.; Л., 1953.
34. *Летопись* Византийца Феофана от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта / Пер. с греч. В. И. Оболенского, Ф. А. Терновского. — Рязань, 2005.
35. *Феофилакт Симокатта*. История / Пер. С. П. Кондратьева. — М., 1996.
36. *Лев Диакон*. История. — М., 1988.
37. *Приск Панийский*. Сказания Приска Панийского / Пер. с греч. В. И. Оболенского, Ф. А. Терновского. — Рязань, 2005.
38. *Gracanin H.* The Western Roman Embassy to the Court of Attila in A. D. 449 // BS. — 2003. — Т. 61.
39. *Люттвак Э. Н.* Стратегия Византийской империи. — М., 2010.
40. *Moorhead J.* Italian Loyalties during Justinian's Gothic War // Byzantion. — 1983. — Т. 53.
41. *Абд ар-Рахман ибн 'Абд ал-Хакам*. Завоевание Египта, ал-Магриба и ал-Андалуса. — М., 1985.
42. *Колесников А. И.* Завоевание Ирана арабами (Иран при «праведных» халифах). — М., 1982.
43. *Stern S. M.* An Embassy of the Byzantine Emperor to the Fatimid Caliph al-Mu'izz // Byzantion. — 1950. — Т. 20.
44. *Николай Мистик*. Письмо халифу // Византийские сочинения об исламе. — М., 2012.
45. *Контамин Ф.* Война в Средние века. — СПб., 2001.
46. *Kolia-Dermitzaki A.* The Byzantine «Holy War»: The Idea and Propagation of Religious War in Byzantium. — Athens, 1991.
47. *Regan G.* First Crusader: Byzantium's Holy Wars. — N. Y., 2003.
48. *Dennis G. T.* Defenders of the Christian People: Holy War in Byzantium // The Crusades from the Perspective of Byzantium and the Muslim World. — Washington, 2001.
49. *Stouraitis I.* Jihad and Crusade: Byzantine Positions towards the Notions of Holy War // Byzantina Συμμεικτα. — 2011. — Т. 21.
50. *Walker P.* The «Crusade» of John Tzimisce in the Light of New Arabic Evidence // Byzantion. — 1977. — Т. 42.

51. *Stephenson P.* Imperial Christianinity and Sacred War in Byzantium // Belief and Bloodshed: Religion and Violence across Time and Tradition Paperback. — Lanham, 2007.
52. *Патриарх Никифор.* Краткая история // Творения святого отца нашего Никифора, архиепископа Константинопольского. — Минск, 2001.
53. *Письмо* императора Иоанна Цимисхия к армянскому царю Ашоту III // ВВ.—1903. — Т. 10.
54. *Levi-Provensal A.* Un Échange d'Ambassades entre Cordove et Byzance au IXe siècle // Byzantion. — 1937. — Т. 12.
55. *Shepard J.* Past and future in Middle Byzantine diplomacy: some preliminary observations // Byzance et le monde extйrieur: Contacts, relations, ёchanges. — Р., 2005.
56. *Себеос.* История. — Ереван, 1939.
57. *Гевонд.* История халифов вардапета Гевонда, писателя VIII в. / Пер. с арм. К. Патканова. — СПб., 1862.
58. *Продолжатель Феофана.* Жизнеописания византийских царей / Изд. подг. Я. Н. Любарский. — СПб., 1992.
59. *John Skylitzes.* A Synopsis of Byzantine History / Trans. by J. Wortley. — Cambridge, 2010.
60. *Waba M.* La lettre d'Alexis I Comnине a Robert le Frison: Une revision // Byzantion. — 1977. — Т. 47.
61. *Sypiański J.* Arabo-Byzantine relations in the 9th and 10th centuries as an area of cultural rivalry // Byzantium and the Arab World: Encounter of Civilizations. — Thessalonique, 2011.

Резюме

Бардола К. Ю. *«Право повернення володінь» як основа територіальних претензій Візантії в VI—XII ст.*

Стаття присвячена особливостям дипломатичної риторики, висловлюваної візантійськими офіційними особами в VI—XII ст. у разі пред'явлення територіальних претензій іншому суб'єкту міжнародного права. У результаті дослідження були зроблені висновки, що головний риторичний прийом, що застосовувався візантійськими дипломатами в цей період, ґрунтувався на згадці фактів попереднього володіння римськими або візантійськими імператорами територією, на яку пред'являлася претензія. Цей риторичний прийом був більш-менш ефективний залежно від дипломатичного супротивника і надалі став частиною середньовічного вчення про «справедливу війну».

Ключови слова: Візантійська дипломатія, візантійська риторика, ідеологія, священна війна, справедлива війна, право завоювання.

Резюме

Бардола К. Ю. *«Право возврата владений» как основа территориальных претензий Византии в VI—XII вв.*

Статья посвящена особенностям дипломатической риторики, высказываемой византийскими официальными лицами в VI—XII вв. при предъявлении территориальных претензий другому субъекту международного права. В результате исследования были сделаны выводы, что основной риторический прием, применявшийся византийскими дипломатами в этот период, основывался на упоминании фактов предшествующего

В
Л
Б
Т
С

владения римскими или византийскими императорами территорией, на которую предъявлялась претензия. Этот риторический прием был более или менее эффективен в зависимости от дипломатического противника и в дальнейшем стал частью средневекового учения о «справедливой войне».

Ключевые слова: Византийская дипломатия, византийская риторика, идеология, священная война, справедливая, право завоевания.

Summary

K. Bardola. The «Right to Return Possession» as a Basis of Territorial Claims in Byzantium VI—XII Centuries

The article is devoted to the peculiarities of diplomatic rhetoric voiced by Byzantine officials in VI—XII centuries upon presentation of the territorial claims against another subject of international law. The study was concluded that the main rhetorical technique used Byzantine diplomacy in this period, based on the mention of the facts prior ownership of the Roman or Byzantine emperor's areas on which to make a complaint. This rhetorical device was more or less effective depending on the opponent and diplomatic later became part of the medieval doctrine of "just war."

Key words: Byzantine diplomacy, Byzantine rhetoric, ideology, holy war, just war, the right of conquest.

